

Борьба за возвращение Бродского из ссылки

В начале января 1965 года, когда Бродский, вдохновленный стихами Одена на смерть Йетса, по вечерам после работы в совхозе писал стихи на смерть Элиота, в Москве, неведомо для него, был подписан важный документ. Неутомимая борьба Вигдоровой, Чуковской, Грудининой, Ахматовой и других защитников поэта, их обивание порогов, писание писем, уговаривание более или менее влиятельных персон начали приносить результаты. Последовательность событий, как мы знаем из опубликованных теперь документов²⁵⁶, была следующей. 3 октября 1964 года заведующий отделом административных органов ЦК КПСС, то есть главный в стране надзиратель над деятельностью судов, прокуратуры, милиции и госбезопасности, Н. Миронов послал генеральному прокурору СССР Руденко, председателю КГБ Семичастному и председателю Верховного суда Горкину директиву «проверить и доложить ЦК КПСС о существовании и обоснованности судебного решения дела И. Бродского».

²⁵⁶ См. *Якович 1993* и *Охотин 2000*.

Если бы защитники Бродского могли тогда прочитать этот документ с грифом «Секретно», они бы усмотрели в нем обнадеживающие признаки: хотя один из четырех абзацев письма пересказывал обвинения в адрес Бродского, два других суммировали выступления в его защиту Маршака, Чуковского и других писателей, а в заключительном говорилось о волнении в кругах интеллигенции в связи с делом Бродского. Главное же, что в конце письма высокопоставленный партийный чиновник писал, что «материалы дела недостаточно исследованы». Эта бессмысленная на первый взгляд фраза – каким «исследованиям» подлежит решение суда? – в переводе с бюрократического языка означала указание дело пересмотреть. Бюрократическая машина пришла в действие – Генпрокуратура, Верховный суд и КГБ выделили по чиновнику (довольно высокого ранга от каждого ведомства) и направили троицу в Ленинград. Через два месяца, 7 декабря, подробный отчет о поездке, включавший и рекомендации московских ревизоров, был направлен их шефам. Москвичи встретились со всей верхушкой ленинградской партийной организации, а также с представителями местного КГБ, суда, прокуратуры и с секретарем Дзержинского райкома партии Косаревой – она непосредственно курировала дело Бродского. В юридическом отношении вывод авторов отчета недвусмыслен: «Аполитичность Бродского и преувеличение им своих литературных способностей не могут служить основанием для применения указа от 4 мая 1961 года»²⁵⁷. В своих аргументах они практически солидаризируются со всеми основными аргументами защиты. Видно из отчета и то, что его авторы приехали в Ленинград не только в порядке надзора над нижестоящим судом, но и для переговоров с местными властями. Ленинградский партийный босс Толстиков и его подчиненные отстаивали свои решения, но у москвичей явно была инструкция каким-то образом нашумевшую историю с поэтом-тунеядцем закончить.

В результате был выработан компромисс: «Первый секретарь Ленинградского промышленного обкома КПСС тов. Толстиков В. С., первый секретарь Ленинградского горкома КПСС тов. Попов Г. И., секретарь промышленного обкома КПСС тов. Богданов Г. А. (секретарь по идеологии. – Л. Л.), завотделом административных органов промышленного обкома КПСС тов. Кузнецов П. И., начальник управления КГБ тов. Шумилов В. Т., и. о. прокурора города тов. Караськов А. Г. и секретарь Дзержинского РК КПСС тов. Косарева Н. С. считают, что Бродский тунеядцем был признан обоснованно и мера административного выселения против него применена правильно (московская комиссия, как мы знаем из первой части документа, с этим не согласна. – Л. Л.). Высказались против его реабилитации, считая, что к этому нет оснований и что это может вызвать нежелательную реакцию со стороны общественности, полагающей решения суда правильным, и дискредитирует ленинградские административные органы и общественные организации («общественность», «общественные организации» – это дружинники Лернера и прокофьевская верхушка ленинградского Союза писателей; ленинградские начальники ни в коем случае не хотят признать вину или ошибку свою и своих подручных. – Л. Л.). Они полагают возможным досрочно освободить Бродского от административного выселения при условии, если он положительно проявит себя в местах административного поселения и после освобождения будет проживать вне гор. Ленинграда»²⁵⁸. Москва давит на Толстикова и его присных, и они предлагают компромисс: объявить, что Бродский в результате принятых мер исправился («положительно проявил себя в местах административного поселения»), из ссылки отпустить, но только не назад к нам. В заключительном абзаце документа говорится: «По сообщению директора совхоза „Даниловский“ Коношского района Архангельской области от 13 октября 1964 г. Бродский И. А. к работе относится хорошо, нарушений трудовой дисциплины не наблюдалось. За добросовестное отношение к работе ему был разрешен

257 Охотин 2000. С. 70.

258 Там же. С. 71.

отпуск на 10 дней для поездки к родителям»²⁵⁹. Бродский и вправду как мог работал в совхозе, в деревне со всеми ладил, и местное начальство к приветливому, культурному, непьющему (по местным меркам) ленинградскому парню относилось по справедливости.

И вот 5 января, на следующий день после смерти Элиота, заместитель генерального прокурора СССР направил в судебную коллегия Ленинградского городского суда протест в порядке прокурорского надзора с просьбой Бродского досрочно освободить. Видимо, ленинградские власти предприняли контратаку – Ленгорсуд протест Генпрокуратуры отклонил. Бродский получил об этом извещение в середине февраля²⁶⁰. Прошел год с момента его ареста. Далее в документах перерыв. 4 сентября уже Верховный суд СССР рассмотрел дело Бродского и снизил меру наказания до фактически отбытого срока. Постановление Верховного суда сперва по ошибке было отправлено вместо Архангельской в Ленинградскую область, и Бродский стал официально свободен только 23 сентября.

Упирательство ленинградских властей – самое понятное во всей этой истории: защищали свою территорию, честь мундира, не хотели признавать, что оскандалились. Но поддержка парня, прежде замешанного в сомнительные истории, пишущего непригодные для советской печати стишки, высшими органами власти требует объяснения. Вот как объясняла это по горячим следам, 10 сентября 1965 года, Л. К. Чуковская: «Все гадают: чье вмешательство побудило Верх. Суд наконец рассмотреть дело? Я думаю – капля долбит камень. Фрида своей записью докричалась до целого мира. На нас Толстиков может плевать. А на Сартра и Европейское содружество ему плевать не позволяют. А Сартр, говорят, написал Микояну, что в октябре писатели содружества съедутся в Париже и там разговор о Бродском пойдет непременно...»²⁶¹ Высшее партийное руководство, то есть тех, от кого действительно зависела судьба Бродского, как и судьба всех остальных жителей СССР, нисколько не беспокоили ни расправа над молодым поэтом, ни мнение по этому поводу Чуковского, Маршака и Шостаковича или новых руководителей ленинградского Союза писателей Гранина и Дудина вместе с прочими интеллигентами. Грубо сляпанное ленинградцами дело вызвало раздражение в Москве, только когда оно стало приобретать международную огласку. Тут вступил в силу простой политический расчет – хорошие отношения с просоветской левой интеллигенцией на Западе важнее, чем непогрешимость ленинградских товарищей. В данной аппаратной игре международный отдел ЦК КПСС взял верх над Ленинградским обкомом. Конечно, веское слово принадлежало чекистам, но КГБ тоже был не столько заинтересован самим Бродским, сколько «розыском лиц, способствовавших передаче тенденциозной информации по делу Бродского за границу»²⁶², а главный подозреваемый в этом ужасном преступлении, Фрида Вигдорова, умерла 7 августа 1965 года. Сартр (он считался в то время большим другом СССР, в особенности после отказа от Нобелевской премии в предыдущем году) написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР Анастасу Микояну 17 августа:

«Я беру на себя смелость обратиться к Вам с этим письмом лишь потому, что являюсь другом Вашей великой страны. Я часто бываю в Вашей стране, встречаю многих писателей и прекрасно знаю, что то, что западные противники мирного сосуществования уже называют „делом Бродского“, представляет из себя всего лишь непонятное и достойное сожаления исключение. Но мне хотелось бы сообщить Вам, что антисоветская пресса воспользовалась этим, чтобы начать широкую кампанию, и представляет это исключение как типичный для советского правосудия пример, она дошла до того, что упрекает власти в неприязни к

259 Там же.

260 См. Чуковская 1999. С. 149.

261 Там же. С. 154.

262 Из справки председателя КГБ Семичастного, представленной в ЦК партии. См. Якович 1993.

интеллигенции и антисемитизме. До первых месяцев 1965 года нам, сторонникам широкого сотрудничества различных культур, было просто отвечать на эту недобросовестную пропаганду: наши советские друзья заверяли нас, что внимание судебных органов обращено на случай с Бродским и решение суда должно быть пересмотрено. К сожалению, время шло, и мы узнали, что ничего не сделано. Атаки врагов СССР, являющихся и нашими врагами, становятся все более и более ожесточенными. Например, я хочу отметить, что мне неоднократно предлагали публично высказать свою позицию. До настоящего времени я отказывался это сделать, но молчать становится столь же трудно, как и отвечать.

Я хотел поставить Вас в известность, господин Президент, о беспокойстве, которое мы испытываем. Мы не можем не знать, как трудно бывает внутри любой общественной системы пересматривать уже принятые решения. Но, зная Вашу глубокую человечность и Вашу заинтересованность в усилении культурных связей между Востоком и Западом в условиях идеологической борьбы, я позволил себе послать Вам это сугубо личное письмо, чтобы просить Вас во имя моего искренне дружеского отношения к социалистическим странам, на которые мы возлагаем все надежды, выступить в защиту очень молодого человека, который уже является или, может быть, станет хорошим поэтом»²⁶³.

Доводы Сартра были для московских правителей убедительны: зачем ставить под угрозу важное пропагандистское мероприятие международного масштаба, съезд Европейского содружества писателей? Да и у председателя КГБ Семичастного хватало других забот: готовился процесс над Синявским и Даниэлем, начиналось преследование Солженицына. Эти дела из Москвы представлялись поважнее, чем непомерно раздутая история с никому не известным юнцом.

Кашу, которую заварил пригретый ленинградскими властями полуграмотный мошенник, пришлось расхлебывать самым высокопоставленным чиновникам страны. Бродский стал международной знаменитостью. Что он там написал – мало кто знал в России и почти никто на Западе, но и страна, и весь мир теперь знали, что есть в Ленинграде молодой поэт, которого бросили в тюрьму, ошельмовали, принудили к тяжелому труду на холодном Севере только за то, что он писал стихи. Сам Бродский радовался, что его выпустили, был по-прежнему озабочен запутанными отношениями с возлюбленной, писал стихи, а о полутора годах мытарств старался думать как можно меньше. Все происшедшее с ним поражало его прежде всего своей абсурдностью. «Сумма страданий дает абсурд», – такой вывод делает он из своего опыта несколько лет спустя²⁶⁴. Неизвестно, что на самом деле думал о Бродском Жан Поль Сартр, который постулировал абсурд как основное условие человеческого существования, но он вовремя пришел на помощь поэту, заброшенному в северную глушь.